

DOI 10.15826/qr.2020.2.469
УДК 327.5(470:581)"1979/1989"

ВОЕННАЯ СТРАТЕГИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В АФГАНИСТАНЕ: ПРОСЧЕТЫ ПЛАНИРОВАНИЯ И ОБЩЕСТВЕННОЕ НЕПРИЯТИЕ

Василий Христофоров

Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия

Юлия Гусева

Московский городской педагогический университет,
Самарский филиал, Самара, Россия

SOVIET MILITARY STRATEGY IN AFGHANISTAN: ERRORS IN PLANNING AND PUBLIC CONDEMNATION*

Vasily Khristoforov

Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia

Yulia Guseva

Moscow City University,
Samara Branch, Samara, Russia

Referring to archival materials and historiography, the authors of this article examine the circumstances behind the development of principles regulating the presence of a limited contingent of Soviet troops in Afghanistan (1979–1989), its nature, and scope. It is concluded that Soviet military strategy in Afghanistan initially set itself limited goals and assumed limited obligations. It also used a narrow set of expert assessments, mainly those that fitted into the usual picture of a “cold” confrontation and the established paternalistic model of interaction with countries in the zone of the USSR’s ideological and political influence. The study

* *Citation:* Khristoforov, V., Guseva, Yu. (2020). Soviet Military Strategy in Afghanistan: Errors in Planning and Public Condemnation. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 2. P. 382–398. DOI 10.15826/qr.2020.2.469.

Цитирование: Khristoforov V., Guseva Yu. Soviet Military Strategy in Afghanistan: Errors in Planning and Public Condemnation // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 2. P. 382–398. DOI 10.15826/qr.2020.2.469 / Христофоров В., Гусева Ю. Военная стратегия Советского Союза в Афганистане: просчеты планирования и общественное неприятие // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 2. С. 382–398. DOI 10.15826/qr.2020.2.469.

shows that the Soviet state machine was largely focused on solving geopolitical problems, and the militarist directions of defence and law enforcement agencies and provided society with very limited information. The long-term consequences of the Afghanistan policy (especially internal and economic) at the time of the decision to send troops were practically not calculated, since the initial strategy was aimed at appeasing Afghanistan with the help of limited forces without active military operations. The contradictions between the geopolitical thinking of the Soviet leadership and the peculiarities of the Afghanistan military campaign, which did not fit into the expected strategy of full-scale military operations but at the same time immediately went beyond the "limited" impact, gives contemporaries a reason to deny the victory or defeat of the Soviet troops, but does not give them an opportunity to doubt the reality of hostilities and their negative impact on the relationship between the Soviet state and society.

Keywords: armed conflict in Afghanistan 1979–1989; limited contingent of Soviet troops in Afghanistan; war in Afghanistan 1979–1989; history of Soviet foreign policy.

На основании архивных материалов и актуальной историографии рассматриваются обстоятельства выработки принципов присутствия ограниченного контингента советских войск в Афганистане (1979–1989 гг.), его характер и масштабы. Делается вывод о том, что советская «афганская» военная стратегия изначально ставила перед собой ограниченные цели и брала на себя ограниченные обязательства, использовала узкий набор экспертных оценок, преимущественно тех, которые вписывались в привычную картину «холодного» противостояния, в устоявшуюся патерналистскую модель взаимодействия со странами, находившимися в зоне идейно-политического влияния СССР. Исследование показывает, что советская государственная машина во многом ориентировалась на решение геополитических задач и милитаристские установки силовых ведомств и давала обществу лимитированный объем информации о происходящем. Долгосрочные последствия «афганской» политики (особенно внутривнутриполитического, экономического характера) в момент принятия решения о вводе войск практически не просчитывались, так как первоначальная стратегия была ориентирована на успокоение Афганистана малыми силами без активных боевых действий. Противоречия между геополитическим мышлением советского руководства и специфичностью афганской военной кампании, которая не вписывалась в ожидаемую стратегию полномасштабных боевых действий, но при этом сразу вышла за рамки «ограниченного» воздействия, дают основания современникам отрицать факт победы или поражения советских войск, но не дают возможностей сомневаться в реальности боевых действий и их негативном влиянии на взаимоотношения Советского государства и общества.

Ключевые слова: вооруженный конфликт в Афганистане 1979–1989 гг.; ограниченный контингент советских войск в Афганистане; история советской внешней политики.

12 декабря 1979 г. представители высшей партийной элиты (Л. Брежнев, Ю. Андропов, А. Громыко, Д. Устинов) обсуждали ситуацию в Афганистане. Членами Политбюро ЦК КПСС было принято решение о вводе в страну советских войск. Так началась афганская кампания – единственная военная операция, которую вел Советский Союз за пределами стран Варшавского договора. Она стала самой продолжительной и малоизвестной войной в истории СССР.

Более 30 лет, прошедшие с момента вывода советских войск из Афганистана, почти не приблизили к пониманию объективных последствий и справедливых уроков этой необъявленной войны. Подобного рода исследование дает возможность более полно охарактеризовать советскую управленческую модель на последнем историческом этапе ее существования, которая, «запланированная как задача внешней политики, стала во главу угла всей внутривнутриполитической повестки Советского Союза» [Якупова, Якупов, с. 94]. Отдельные выводы статьи раскрывают истоки позднейшего тренда на отторжение и неприятие «афганцев» обществом, которое не понимало и в большинстве своем до сегодняшнего дня не понимает обстоятельств присутствия советских войск в Афганистане¹.

Литература, посвященная событиям в Афганистане 1979–1989 гг., достаточно обширна, но не равноценна по своему содержанию, что объясняется не только различием интересов и подходов авторов, но и степенью их осведомленности. Целостного видения афганской драмы нет и среди профессионалов-историков, востоковедов, которые фактически начиная с 1979 г. продолжают дискуссии о справедливости и необходимости советского военного вмешательства, о характере советского военного присутствия – был ли это обоснованный ввод² или неправомерное вторжение³, на каких условиях следовало выводить войска⁴ и пр.

¹ Все это, в свою очередь, помогает понять причины и последствия частичной маргинализации воинов, прошедших Афганскую войну. Раз новое государство (Россия) не подтверждало их формальный уважаемый статус и не предоставляло льготы, у «афганцев» появлялось стремление доказать обществу обратное всеми доступными законными и незаконными путями. С учетом выхода общества в «дикий капитализм» 1990-х гг. подобные «доказательства» нередко получали полукриминальный характер и были направлены прежде всего на материальное обогащение, помогающее преодолеть социальную фрустрацию.

² Ввод войск – вступление войск одного государства на территорию другого с согласия или по просьбе его правительства.

³ Вторжение – вступление вооруженных сил одного государства на территорию другого без согласия его правительства. Вторжение представляет собой акт агрессии.

⁴ Авторы статьи исходят из того, что ввод советских войск юридически был практически безупречен (войска пришли по просьбе афганского правительства и в соответствии с Договором о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Советским Союзом и Демократической Республикой Афганистан от 5 декабря 1978 года, ст. 4), но по факту он представлял собой вмешательство в дела суверенного государства: советские подразделения специального назначения, устранив неудобного афганского лидера Хафизулла Амина, фактически произвели переворот в стране [см.: Христофоров, 2019].

Основные вопросы звучат так: существовала ли в этот период у СССР специфическая «афганская» стратегия⁵? Если да, то была ли она частью единой глобальной международной стратегии СССР? Какие факторы, кроме геополитических обстоятельств и специфики ситуации в Афганистане, повлияли на ее формирование? Что показала афганская кампания в отношении способности позднесоветской государственной машины принимать долгосрочные стратегические решения?

Источниками выступают как хорошо известные опубликованные делопроизводственные документы советских государственных и партийных органов, так и неопубликованные документы из ведомственных архивов и материалы специальных служб (Архив Президента РФ; ЦА ФСБ России). Отдельные сведения почерпнуты из аналитических материалов, опубликованных на сайте американского Архива национальной безопасности.

Советская «афганская» стратегия 1979 г.

На первый взгляд может показаться, что Советский Союз не имел четко очерченной стратегии афганской военной кампании. На это, в частности, указывают и очевидцы событий, например, Борис Громов⁶:

Когда говорят «поражение», я этого не понимаю. Во-первых, 40-я армия никаких задач кого-то «победить» в Афганистане не получала. Я был там почти все время, был уполномоченным правительства СССР по временному пребыванию в стране 40-й армии. Не было ни одного документа, ни одного распоряжения кого-то там «победить». Во-вторых, практически вся территория страны находилась под контролем 40-й армии и правительства ДРА (Демократической Республики Афганистан. – В. Х., Ю. Г.). Афганские вооруженные силы, МВД, КГБ ДРА (СГИ – МГБ. – В. Х., Ю. Г.) тоже были под нашим контролем. *Войны как таковой не было. Нас «покусывали», иногда сильно, банды – да, были нападения на колонны, но полноценной войны не было* (выделено нами. – В. Х., Ю. Г.). Это игра слов и желание показать, что 40-я армия не справилась. Ни о победе, ни о поражении в военном отношении в Афганистане нет смысла разговаривать [Громов].

Другой участник войны в Афганистане, генерал-полковник В. А. Меримский⁷, также утверждает, что перед армейским

⁵ Стратегия – это сценарий достижения результата, для которого характерен специфический прогноз будущего, часто формирующийся при отсутствии полноты информации. Стратегия имеет соответствующий набор тактических средств, которые могут принести предсказуемый результат.

⁶ Громов Борис Всеволодович (1943) – командующий 40-й армией (1 июня 1987–15 февраля 1989), генерал-полковник (1989), Герой Советского Союза (1988).

⁷ Меримский Виктор Аркадьевич (1919–2003) – генерал-полковник, участник Советско-финляндской и Великой Отечественной войн, заместитель начальника Оперативной группы Министерства обороны СССР в ДРА (1979–1984), руководил боевыми действиями частей и подразделений 40-й армии в Афганистане и афганских правительственных войск.

командованием не ставилась задача одержать военную победу [Меримский, с. 349].

Продолжая свою мысль, командующий 40-й армией указывает, что перед советскими войсками ставились следующие основные цели: отразить потенциальные и реальные внешние угрозы (в том числе с пограничных с Афганистаном территорий Ирана, Пакистана, Китая), поддержать существующий политический режим и стабильность внутри страны [Там же]. Однако подобные высказывания расходятся с мнением других исследователей и очевидцев событий, а также с документами ЦА ФСБ России. Так, по мнению Е. Г. Никитенко⁸, на протяжении всей войны СССР преследовал цели подавления сопротивления вооруженной афганской оппозиции и укрепления власти афганского правительства [Никитенко, с. 278].

Попробуем разобраться, насколько корректными по форме и содержанию являются подобные оценки. Действительно – существовало ли долгосрочное планирование советской операции в Афганистане, и чем оно было продиктовано?

Анализ ситуации, предшествовавшей вводу войск, показывает, что решение о перемещении советских войск не было импульсивным, одномоментным, исходившим от узкого круга лиц. Обсуждение шло долго и мучительно на протяжении многих месяцев 1979 г. [Христофоров, 2016, с. 71–84; ЦА ФСБ России. Ф. 60с. Оп. 2. Д. 64. Л. 186–188, 248–255]. Вопрос о направлении войск неоднократно с марта по ноябрь 1979 г. выносился на обсуждение Политбюро ЦК КПСС, и всякий раз принималось отрицательное решение [Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 82. Д. 148. Л. 5–7, 109–11; Д. 138. Л. 133–13; Д. 151. Л. 52–56]. При этом окончательное решение было принято преимущественно на основании специфической информации силовых ведомств и не отвечало критериям полноценного многоаспектного анализа последствий.

Политбюро ЦК КПСС в полном составе не собиралось для обсуждения этого вопроса. По мнению экспертов, члены Политбюро ЦК КПСС слабо представляли, что происходит в Афганистане, а информация, поступавшая по каналам МИД, Минобороны и КГБ СССР, была противоречивой. Ю. А. Нешумов справедливо отмечает, что советская разведка, в том числе и пограничная, неглубоко анализировала и слабо прогнозировала происходившие в Афганистане внутренние изменения. На принятии политических решений негативно сказались отсутствие согласованных взглядов на события в Афганистане в руководстве советских силовых структур (Минобороны, КГБ, МВД) [Нешумов, с. 9–74, 288; ЦА ФСБ России. Ф. 60с. Оп. 2. Д. 14. Л. 256, Д. 65. Л. 122–126].

Бывший председатель КГБ СССР В. А. Крючков (1988–1991) пишет, что обсуждения носили закрытый характер и проходили в узком со-

⁸ Никитенко Евгений Григорьевич (1949) – генерал-майор, заместитель начальника оперативного отдела 40-й армии (1985–1987).

стве, и ведущую роль в обосновании необходимости подобных мер играл тезис о «стратегических государственных интересах Советского Союза» [Крючков, с. 199–200]. Советские политики действительно ссылались на «важные стратегические интересы Советского Союза», но самым понятным и приемлемым объяснением было то, что СССР был заинтересован в сохранении дружественного Афганистана и спокойной советско-афганской границы. Было желание продемонстрировать всему миру, и прежде всего США, решимость Москвы отстаивать государственные интересы не только дипломатическим, но и военным путем [Кирпиченко, с. 360]. По мнению иностранных исследователей, инициаторами ввода советских войск в Афганистан были Ю. Андропов и Д. Устинов [Фейфер, с. 21].

Холодная война стала триггером процесса: по линии КГБ и ГРУ поступали тревожные данные о «далекоидущих военных замыслах США по использованию территорий, непосредственно прилегающих к южной границе СССР» [Крючков, с. 199–200]. Однако нет документальных доказательств повышенной американской активности в имеющихся в нашем распоряжении документах спецслужб, что позволяет считать данный тезис информационно-пропагандистским обоснованием «афганской» стратегии Кремля. В атмосфере холодной войны каждая сторона была склонна преувеличивать угрозы и исходить из самых негативных сценариев. Парадокс ситуации заключался в том, что во время холодной войны Афганистан являлся нейтральной территорией именно вследствие негласных договоренностей между соперничавшими державами, а установление советского контроля над ним меняло всю стратегическую ситуацию в регионе [Акимбеков, с. 324–325].

Советское политическое руководство долго сомневалось в целесообразности направления советских войск в Афганистан. Основным движущим фактором решения в пользу ввода стали геополитические интересы, которые в сознании элиты, мыслившей глобальными категориями, затмевали все остальные. К этому времени Советский Союз имел положительный опыт поддержки развивающихся стран Юго-Восточной Азии, Африки, Ближнего и Среднего Востока через экономическую и советническую помощь, поставку военной техники, поэтому советское руководство надеялось на относительно простое и быстрое решение афганской проблемы.

«Ограниченность» как суть советской «афганской» стратегии

Первые ориентиры военной кампании склонялись в сторону краткосрочного фактического присутствия без активного ведения военных действий. «Ограниченность» становилась определяющей сущностью советской «афганской» стратегии.

Де юре война действительно не была объявлена. Принимая решение о вводе советских войск в Афганистан, советские политики пред-

полагали, что части и подразделения советских войск будут размещены гарнизонами в Кабуле, крупных городах и вдоль наиболее важных участков магистралей страны. Они будут играть роль сдерживающего и стабилизирующего фактора, охладят «горячие головы» лидеров вооруженной оппозиции. Под прикрытием советских войск планировалось провести формирование афганских сил безопасности (национальной армии, министерства внутренних дел, службы разведки и контрразведки), которые в дальнейшем должны были обеспечивать безопасность и стабильность в стране. Ограниченный по численности контингент войск должен был действовать на ограниченной территории и не самыми масштабными ресурсами.

Несмотря на то, что Минобороны СССР и КГБ СССР предпринимали энергичные меры по развертыванию частей и соединений, готовившихся к вводу в Афганистан [ЦА ФСБ России. Ф. 12ос. Оп. 41. Д. 2. Л. 270], иностранные исследователи назвали процесс формирования 40-й армии «триумфом импровизации», подчеркивая, что он сопровождался множеством серьезных недочетов⁹, возможно, и не сыгравших бы особой роли, если бы армия смогла избежать тяжелых боев и покинуть страну через год с небольшим, как это изначально планировалось. Но когда советские войска обосновались в Афганистане надолго, промахи – неадекватное жилье, дефицит запасного обмундирования, безвкусная и нездоровая пища, примитивные санитарные условия – дали о себе знать [Брейтвейт, с. 157]. Во время девятилетнего пребывания советских войск в Афганистане, по мнению Р. Аушева, так и не была решена проблема с питьевой водой [«Начальники махали шашками»].

Непросчитанность геополитических последствий дорого обошлась СССР. Высшее советское руководство не предусмотрело реакцию мусульманского мира, поэтому после силовой акции в Афганистане Советский Союз потерял много друзей и приобрел много врагов. Организация «Исламская конференция» крайне негативно отреагировала на ввод советских войск в Афганистан, и практически все исламские страны заняли антисоветскую позицию [ЦА ФСБ России. Ф. 6ос. Оп. 3. Д. 26. Л. 314–317]. Даже союзники по коммунистическому движению негативно реагировали на ввод советских войск в Афганистан. Руководство Союза коммунистов Югославии назвало советские действия в отношении Афганистана «недопустимым вмешательством во внутренние дела суверенной внеблоковой страны» [Там же. Д. 15. Л. 23–25].

⁹ Не обошлось и без курьезов на грани с расшифровкой подготовительных мероприятий. 14 декабря вдоль всей взлетно-посадочной полосы аэропорта Ташкент, в непосредственной близости от здания аэровокзала, на виду у изумленных пассажиров, в числе которых были иностранцы, разместилась большая группа военно-транспортных самолетов Ан-22 с личным составом и боевой техникой. Как оказалось, представители военно-воздушных сил не согласовали порядок приземления и посадки самолетов военно-транспортной авиации с руководством аэропорта. См.: [ЦА ФСБ России. Ф. 5. Оп. 27/3. Д. 59. Л. 117–118].

Сложно сказать, насколько детально просчитывались экономические расходы на военную кампанию. Документы, свидетельствующие об экономических прогнозах подобного рода, нам не известны. В связи с этим в литературе можно найти диаметрально противоположные оценки. Есть утверждения о том, что

...цифры (затрат на кампанию. – В. Х., Ю. Г.) были просто огромными. Достаточно посмотреть, во сколько обходился один день только 40-й армии. А там было еще целое море советников – военных, гражданских, по линии милиции, КГБ, партийные и комсомольские советники, дорожные, кого там только не было. Это еще целая армия, их всех надо было содержать. Я уже не говорю про материально-техническое снабжение 40-й армии. Мы всё подвозили. Это огромные суммы! [Громов].

Современные исследователи предпочитают оценивать военные расходы как весьма умеренные, не способные поколебать устойчивость советской экономической системы. По разным оценкам, в период с 1980 по 1983 г. на афганскую эпопею уходило в среднем около 3 млрд долларов в год, и «эта помощь была больше, чем любому другому просоветскому государству, за исключением Кубы и Вьетнама... Наиболее затратными и неоправданными для СССР стали не военные расходы, а “прямые” социальные вложения в инфраструктуру Афганистана» [Якупова, Якупов, с. 87; Топорков]. По мнению А. Хейга, Афганистан истощал советскую казну и людские ресурсы и подрывал доверие к советской идеологии. Он дорого обошелся Советскому Союзу и в том смысле, что открыл «третьему миру» глаза на сущность советской политики [Хейг, с. 42].

Ряд специалистов полагают, что советское политическое руководство, принимая решение о вводе советских войск в Афганистан, пыталось действовать в интересах национальной безопасности, во имя какой-то высшей идеологической цели, но без учета интересов собственного народа [Ляховский, с. 122]. Ему вторит генерал разведки Кирпиченко, отмечая, что при принятии данного решения были полностью проигнорированы вопросы внутреннего положения в СССР [Кирпиченко, с. 360]. По нашему мнению, общественный отклик просчитывался, но не ставился на первое место по значимости.

Основной задачей становилось дозирование информации об афганских событиях, доведение до народа минимума сведений. «Режим приложил все усилия, чтобы ограничить осведомленность населения о событиях в Афганистане, заставляя советских граждан принять позицию Советского Союза и подавить широкую общественную критику» [Якупова, Якупов, с. 88]¹⁰.

¹⁰ Об информационной составляющей также см. подробнее: [Христофоров, 2019, с. 18–19].

КГБ СССР разработал комплекс мер по сокрытию вопросов, связанных с изменениями в афганском руководстве и вводом советских войск в Афганистан. Утверждалось, что с марта 1979 г. афганское руководство (Тараки и Амин) 14 раз обращались к Москве с просьбами о вводе советских войск в Афганистан. Предлагалась даже фантастическая версия о том, что Бабрак Кармаль¹¹ нелегально вернулся в Афганистан в октябре 1979 г. и возглавлял деятельность подпольных организаций, которые якобы произвели казнь Амина. Тот факт, что устранение Амина произошло в процессе начавшегося ввода советских войск в Афганистан, объяснялся совпадением по времени, и причинной связи у этих событий не было [ЦА ФСБ России. Ф. 608. Оп. 2. Д. 14. Л. 252–254].

На заседании Политбюро ЦК КПСС 30 июля 1981 г. кремлевские идеологи обсуждали сюжет об увековечивании памяти о погибших в Афганистане. Было принято кощунственное, но вполне очевидное для государства, пытающегося скрыть от всего мира реальность происходящего, решение о том, что «нецелесообразно устанавливать сейчас надгробные плиты», а родителям погибших на все вопросы следовало отвечать заранее заготовленными стандартными и лаконичными фразами [Христофоров, 2019, с. 18–19].

Соответствующие указания регламентировали деятельность СМИ. Из новостей и особенностей подачи материалов следовало, что конфликт в Афганистане не являлся событием внешней политики СССР, но всегда оставался внутренним делом афганского народа [Авдонина, с. 194]. Цель советской информационной политики состояла в том, чтобы предотвратить публичное обсуждение участия Советского Союза в войне в Афганистане, поэтому угрозам, о которых писали в СМИ, подвергался в первую очередь южный сосед СССР: «...освещение войны в перестроечную эпоху проходило так, чтобы развести два понятия: политическое решение ввести войска и воинский долг, повиновение приказу, воинская обязанность» [Там же, с. 204, 205].

Различные структуры КГБ внимательно отслеживали то, как реагируют военнослужащие 40-й армии на боевые действия. В первую очередь их интересовали негативная реакция на пребывание советских войск в Афганистане («неизвестно, за что наши ребята свои головы кладут»), сравнение действий советских войск с американской кампанией во Вьетнаме («увязли, а вылезти не можем», август 1986 г.) [ЦА ФСБ России. Ф. 6. Оп. 9. Д. 483. Л. 50–59].

На первый взгляд, государственная стратегия в афганском направлении действительно отвечала категории «ограниченности». Решение было принято узким кругом лиц, направлено на сдержанное присутствие незначительного количества советских войск, тщательно охранялось не только от публичного обсуждения, но и от экспертного

¹¹ Кармаль Бабрак (1929–1996) – афганский политический, государственный и партийный деятель, один из основателей Народно-демократической партии Афганистана (НДПА), лидер фракции «Парчам».

воздействия. Обществу отводилась роль молчаливого наблюдателя, которому дают дозированную и лакированную информацию, слабо отражающую реальность. Стратегия действительно не отвечала категориям полномасштабных военных действий.

Глобальное мышление vs ограниченность

25 декабря 1979 г. части и соединения 40-й отдельной армии начали движение по понтонному мосту через пограничную реку Амударья на территорию Афганистана. Одновременно самолетами военно-транспортной авиации велась доставка войск и техники в Кабул и Баграм.

Стоит отметить, что приведенная нами в начале статьи позиция Б. Громова об отсутствии войны как таковой де-факто продолжает сформулированную в 1979 г. партийными функционерами идеологическую установку о помощи афганскому народу в весьма специфическом ограниченном объеме. Эта помощь была представлена всему миру так, чтобы не вызывать подозрений в открытом вмешательстве в афганские дела. Пренебрегая реальностью боевых действий, именуя их «покусываниями банд», отчасти можно было бы согласиться с подобным мнением, если бы не одно «но».

В записке от 31 декабря 1979 г., направленной в ЦК КПСС за подписями Андропова, Громыко, Устинова и Пономарева (на ее основе были заготовлены официальные материалы для советских СМИ), сообщалось:

...На волне патриотических настроений, охвативших довольно широкие народные массы афганского населения в связи с вводом советских войск, осуществленным в строгом соответствии с положением советско-афганского договора 1978 года, оппозиционные Амину силы в ночь с 27 на 28 декабря 1979 года организовали вооруженное выступление, которое завершилось свержением режима Х. Амина. Это выступление получило широкую поддержку со стороны трудящихся масс, интеллигенции, значительной части афганской армии, госаппарата, которые приветствовали создание нового руководства ДРА и НДПА [ЦА ФСБ России. Ф. бос. Оп. 2. Д. 14. Л. 252–254; Коргун, с. 418].

В действительности 27 декабря 1979 г. подразделения специального назначения КГБ и ГРУ ГШ ВС СССР при поддержке «Мусульманского батальона»¹² провели операцию под кодовым названием «Шторм-333»¹³ по захвату резиденции Амина, который во время штурма был убит. В результате специальной операции советской раз-

¹² Мусульманский батальон – 154-й отдельный отряд специального назначения ГРУ ГШ ВС СССР (командир – майор Х. Т. Холбаев), сформированный летом 1979 г. на базе 15-й отдельной бригады специального назначения ТуркВо (г. Чирчик Ташкентской обл.) из советских военнослужащих – выходцев из советских республик Средней Азии. Переброшен в Афганистан в начале декабря 1979 г.

¹³ Более подробно об операции «Шторм-333» см.: [Дроздов, с. 227–294].

ведки к власти в Афганистане было приведено новое просоветское правительство во главе с Бабраком Кармалем. Таким образом, режим Амина был уничтожен в результате переворота, в котором непосредственно участвовали советские войска, приглашенные афганским руководством. Военной силой извне был свергнут легитимный правитель, у власти было поставлено лояльное Москве правительство, а Афганистан удержался в сфере советских интересов.

К концу января 1980 г. ввод главных сил 40-й армии был в основном завершен. Тогда «ограниченный контингент» советских войск насчитывал более 52 тыс. человек, в разгар военной компании он превышал 100 тыс. человек. Но уже самые первые боевые действия советских войск привели к изменению изначальной стратегии и миссии ограниченного контингента, к включению его в боевые действия против повстанцев. Началась длительная вооруженная борьба. Из-за низкой боеспособности афганских вооруженных сил советским войскам пришлось принимать участие в боевых действиях с вооруженными отрядами оппозиции – моджахедами.

Отказавшись от действия крупными силами, представители афганских племен разбили свои формирования на отряды и группы численностью от 20 до 100 человек и перешли к партизанским действиям, основой которых стали засады. На узких дорогах Афганистана, с обеих сторон окруженных возвышенностями, было удобно вести огонь из стрелкового оружия и гранатометов. Советские войска постепенно втягивались в боевые действия с вооруженными отрядами и группами афганской оппозиции, которые поддерживало местное население [Меримский, с. 196–198].

В некоторых регионах боевые операции проводились по несколько раз (например, в долине Панджшер против отрядов полевого командира Ахмад Шаха Масуда [ЦА ФСБ России. Ф. бос. Оп. 8. Д. 4. Л. 40–41; Д. 15. Л. 73–76]), однако вскоре после их завершения вооруженные отряды оппозиции без труда возвращали себе утраченные позиции, потому что представители новой власти не пользовались авторитетом, не хотели и не умели работать с населением. Советским солдатам пришлось вести борьбу с афганским народом, сталкиваться с культурно разобщенным афганским обществом, безуспешно бороться с усилением ислама [Рунов, с. 37].

По данным советской разведки и контрразведки, в стране в разное время действовало более 4 тыс. отрядов и групп оппозиции общей численностью от 150 до 200 тыс. человек. Ежегодно в Афганистан засылались сотни новых вооруженных групп и отрядов оппозиции, десятки тысяч человек. Задача по перекрытию от притока вооруженных отрядов границы Афганистана с Пакистаном и Ираном оказалась исключительно трудной. Сильными сторонами афганской оппозиции были прекрасное знание местности, высокая мобильность вооруженных отрядов и хорошая физическая выносливость бойцов, внезапность нападений, широкая социальная база и симпатии на-

селения, внешняя материальная и моральная поддержка со стороны Пакистана, Ирана и других стран. Слабыми ее сторонами являлись отсутствие единства, стратегического планирования и опыта нападения на защищенные города, ограниченная огневая поддержка, логистические проблемы в доставке боеприпасов и вооружения, оказания медицинской помощи раненым [ЦА ФСБ России. Ф. бос. Оп. 7. Д. 21. Л. 85–93; Спольников; *The Soviet Experience in Afghanistan*].

Интенсивность боевых действий советских войск до середины 1980-х гг. постоянно возрастала. Однако это не приводило к закреплению правительственных сил. Между тем, росли боевые потери советских войск¹⁴, а расширение вооруженной борьбы в Афганистане требовало от Советского Союза все больших финансовых и материальных затрат. Ситуация в Афганистане развивалась по весьма проблемному для СССР сценарию: советские вооруженные силы при поддержке афганских войск не могли ни выиграть войну, ни остановить ее, ни уйти без существенных репутационных потерь [ЦА ФСБ России. Ф. бос. Оп. 7. Д. 21. Л. 85–93].

Кремль понимал всю ограниченность размера 40-й армии – при сложившейся международной обстановке и специфике местного ландшафта не было возможности развернуть большие силы, поэтому термин, использовавшийся для наименования афганской группировки («ограниченный контингент»), имел не только пропагандистское, но и вполне реальное звучание. Имеющимися ресурсами 40-я армия могла закрепиться в определенных районах, но не могла стабилизировать ситуацию в масштабах всей страны, так как нужно было перемещаться из одного ареала в другой, оставляя регионы уязвимыми для действий оппозиции.

Перед советскими войсками ставились две основные задачи: разгромить крупные вооруженные отряды афганской оппозиции в базовых районах и оказать содействие афганскому правительству в расширении и укреплении органов государственной власти на местах, в перекрытии государственной границы Афганистана. Если первую (боевую) задачу советские и афганские войска, как правило, выполняли, нанося при этом противнику большие потери, то вторую решить было несоизмеримо сложнее [ЦА ФСБ России. Ф. ОКСВ. Д. 22. Т. 17. Л. 23–37].

Советские войска оказались не готовы к контрпартизанским действиям. Опыт борьбы частей и подразделений Красной армии и войск ОГПУ по борьбе с басмачами в Средней Азии был забыт, более поздний опыт борьбы иностранных армий с партизанским движением в период Второй мировой войны и локальных войн 1950–1970-х гг.

¹⁴ Второй период пребывания советских войск в Афганистане (март 1980 – апрель 1985) стал пиковым по числу погибших, унеся жизни 9 175 советских солдат и офицеров (49 % потерь за всю афганскую кампанию). Основные потери несли военнослужащие 40-й армии, в то же время среди погибших были советские военные советники (в том числе генералы), сотрудники КГБ и МВД СССР, военнослужащие пограничных войск КГБ СССР [Россия в войнах XX века, с. 539].

также не изучался. Военно-политическая эффективность советских военных действий стремилась к нулю.

В результате около двух третей (63 %) подразделений советских войск в Афганистане были вынуждены заниматься охраной и обеспечением безопасности городов и крупных населенных пунктов, коммуникаций, аэродромов, мест дислокаций воинских частей (на территории Афганистана дислоцировались 179 советских воинских частей, расположенных в 33 гарнизонах, из них боевых частей – 39, авиационных – 41, тыловых – 35, обеспечения и обслуживания – 64), объектов промышленности, науки и культуры. К боевым действиям в Афганистане могли привлекаться только 37 % подразделений 40-й армии [ЦА ФСБ России. Ф. ОКСВ. Д.17. Т. 8. Л. 24–39]. Вооруженные отряды оппозиции действовали практически по территории всей страны и контролировали около 80 % кишлачной зоны. Советские эксперты по Афганистану не смогли спрогнозировать, что в условиях сложной логистической ситуации поддержка для частей и соединений 40-й армии будет опасной операцией, а также не учли зависимость афганской экономики от безопасности на коммуникациях дорожных связей – все это усиливало уязвимость для советских войск.

Данные характеристики весьма сильно отличались от тех целей и задач, которые прописывались советскими военными теоретиками, разрабатывавшими стратегию использования советских вооруженных сил, вооружения и боевой техники применительно к потенциальному конфликту со странами НАТО. В Афганистане СССР ждала не высокотехнологичная кампания с современным вооружением и боевой техникой, использованием военно-воздушных сил, регулярными воинскими формированиями. Именно о такой «полноценной войне» и говорил генерал Громов. Такими же категориями мыслило советское военное командование. Вместо этого Советский Союз получил затяжную партизанскую войну, часто лишённую высокой интенсивности боевых действий и стремительного темпа, идущую только на тактическом уровне.

Советские представители фактически с начала 1981 г. на международном уровне вели обсуждение путей мирного урегулирования афганской проблемы. В 1982 г. под эгидой ООН был запущен процесс непрямых афгано-пакистанских переговоров, закончившийся лишь в 1988 г. подписанием документов, вошедших в историю как Женевские соглашения¹⁵. Выработкой позиции афганской стороны на переговорах в Женеве занимались эксперты МИД, Минобороны, КГБ СССР и Международного отдела ЦК КПСС [ЦА ФСБ России. Ф. 6 ос. Оп. 6. Д. 22. Л. 266–273; Д. 23. Л. 46–48; Д. 24. Л. 88–94, 295–303; Д. 30. Л. 71–79. Оп. 7. Д. 14. Л. 155–160; Оп. 10. Д. 55. Л. 294–300]. Подписать соглашения по Афганистану удалось лишь в апреле 1988 г., а 15 фев-

¹⁵ Более подробно о Женевских соглашениях по Афганистану см.: [Христофоров, 2008].

раля следующего года вывод войск 40-й армии из Афганистана был полностью завершен.

Так закончилось более чем девятилетнее советское военное присутствие в Афганистане, проходившее на фоне жестокого противостояния афганского правящего режима, поддерживаемого СССР, с одной стороны, и афганской оппозиции, поддерживавшейся Пакистаном, США и другими странами, с другой. В нем пострадало более миллиона афганских граждан, несколько миллионов афганских беженцев оказались в эмиграции. Всего были убиты, умерли от ран и болезней, погибли в катастрофах 18 тыс. афганских и 15 051 советских военнослужащих [Россия в войнах XX века, с. 536]. По мнению американского эксперта по вопросам безопасности в США, Южной Азии и борьбе с терроризмом Брюса О. Риделя, война в Афганистане стала финальной битвой холодной войны, борьбы между США и их союзниками, с одной стороны, и Россией с союзниками, с другой стороны [Riedel].

Долгосрочные последствия «афганской» политики в момент принятия решения о вводе войск в значительной степени игнорировались, так как первоначальная стратегия была ориентирована на блицкриг, успокоение Афганистана малыми силами без активных боевых действий. Однако категория «ограниченность» советской «афганской» стратегии была похоронена в момент убийства Хафизуллы Амина, легитимного руководителя суверенного государства. *Realpolitik* и влияние силовых ведомств с их милитаристским мышлением оказались сильнее изначальных стратегических установок. Это событие сыграло далеко не последнюю роль в развязывании реальной войны, сопровождавшейся невымысленными операциями, людскими и материальными потерями.

В условиях геополитического противоборства ввиду неостребованности экспертного анализа, доминирования в общественном и государственном поле влиятельных силовых структур накопленный «имперский» опыт разговора с политическими сателлитами с позиции силы придал стратегии войны в Афганистане весьма специфический вид, который явно выходил за рамки ограниченного присутствия. Он больше походил на симптоматические колебания между стремлением уйти и желанием остаться. Отсюда и проистекала известная непоследовательность «афганской» советской политики, приведшая к резкому ухудшению ситуации в Кабуле спустя три года после вывода войск.

Список литературы

Авдонина Н. С. Исполнившие интернациональный долг : Образ «афганца» в советских средствах массовой информации // Свободная мысль. 2015. № 5 (1653). С. 189–206.

Акимбеков С. М. История Афганистана. Астана ; Алматы : ИМЭП при Фонде Первого Президента, 2015. 848 с.

- Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 82. Д. 138, 148, 151.
- Брейтвейт Р.* Афган: русские на войне / пер. с англ. А. Широкова. М. : АСТ : Corpus, 2013. 496 с.
- Громов Б.* В Афганистане не было поражения или победы : интервью // ТАСС : [сайт]. 2016. 27 сент. URL: <https://tass.ru/interviews/3654718> (дата обращения: 15.01.2020).
- Дроздов Ю. И.* Записки начальника нелегальной разведки. М. : ОЛМА-Пресс, 2000. 415 с.
- Кирпиченко В. А.* Разведка: лица и личности. М. : Междунар. отношения, 2001. 400 с.
- Коргун В. Г.* История Афганистана. XX век. М. : Ин-т востоковедения РАН : Крафт+, 2004. 528 с.
- Крючков В. А.* Личное дело : в 2 ч. М. : Олимп, 1996. Ч. 1. 448 с.
- Ляховский А.* Трагедия и доблесть Афгана. М. : Искона, 1995. 650 с.
- Меримский В. А.* Загадки Афганской войны. М. : Вече, 2006. 384 с.
- «Начальники махали шашками: мы Берлин брали, а вы кишлак взять не можете?» : интервью Героя Советского Союза, ветерана-афганца Руслана Аушева // Новая газета : [сайт]. 2019. 25 дек. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2019/12/25/83292-nachalniki-mahali-shashkami-my-berlin-brali-a-vy-kishlak-vzyat-ne-mozhete> (дата обращения: 15.01.2020).
- Нешумов Ю. А.* Границы Афганистана: трагедия и уроки : ист.-публиц. исслед. 2-е изд., доп. М. : Граница, 2011. 304 с.
- Никитенко Е. Г.* Афганистан: от войны 80-х до прогноза новых войн. М. : Астрель : АСТ, 2004. 365 с.
- Россия в войнах XX века. Потери вооруженных сил / под общ. ред. Г. Ф. Кривошеева. М. : ОЛМА-Пресс, 2001. 608 с.
- Рунов В. А.* Афганская война. Боевые операции. М. : Яуза : ЭКСМО, 2008. 432 с.
- Спольников В. Н.* Афганистан: исламская оппозиция : Истоки и цели. М. : Наука, 1990. 192 с.
- Топорков В. М.* «Нет никаких шансов, что гонка вооружений может истощить советские материальные и интеллектуальные резервы...» : (Влияние афганского фактора на экономические процессы в СССР в 1980–1992 гг.) // Воен.-ист. журн. 2014. № 7. С. 10–14.
- Фейфер Г.* Большая игра : Война СССР в Афганистане / пер. с англ. М. Крысина. М. : ЭКСМО, 2013. 336 с.
- Хейг А.* Предостережение: реализм, Рейган и внешняя политика. М. : Прогресс, 1985. 406 с.
- Христофоров В. С.* Трудный путь к Женевским соглашениям 1988 года по Афганистану // Новая и новейшая история. 2008. № 5. С. 23–47.
- Христофоров В. С.* Афганистан: военно-политическое присутствие СССР 1979–1989 гг. М. : Ин-т рос. истории. РАН, 2016. 544 с.
- Христофоров В. С.* Афганские события 1979–1989 гг.: от познания к осмыслению и признанию // Рос. ист. 2019. № 6. С. 3–21. DOI 10.31857/S086956870007464-1.
- ЦА ФСБ России. Ф. 5. Оп. 27/3. Д. 59; Ф. 6ос. Оп. 2. Д. 14, 64; Оп. 3. Д. 15, 26; Оп. 6. Д. 22, 23, 24, 30; Оп. 7. Д. 14, 21; Оп. 8. Д. 4, 15; Оп. 9. Д. 483; Оп. 10. Д. 55; Ф. 12ос. Оп. 41. Д. 2; Ф. ОКСВ. Д. 17. Т. 8; Д. 22. Т. 17.
- Якупова Д. В., Якулов Р. А.* Советское общество и война в Афганистане в оценках Центрального разведывательного управления // Изв. Высш. учеб. заведений. Поволжский регион. Гуманитар. науки. 2019. № 2 (50). С. 84–99. DOI 10.21685/2072-3024-2019-2-7.
- Riedel B.* What We Won: America's Secret War in Afghanistan, 1979–89. Washington, DC : Brookings Inst. Press, 2014. 189 p.
- The Soviet Experience in Afghanistan: Russian Documents and Memoirs // The National Security Archive : [website]. URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB57/soviet.html> (mode of access: 29.12.2019).

References

- Kimbekov, S. M. (2015). *Istoriya Afganistana* [History of Afghanistan]. Astana – Almaty, Institut mirovoi ekonomiki i politiki pri Fonde Pervogo Prezidenta. 848 p.
- Arkhiv Prezidenta RF* [Archive of the President of the Russian Federation]. Stock 3. List 82. Dos. 138, 148, 151.
- Avdonina, N. S. (2015). Ispolnivshie internatsional'nyi dolg. Obraz "afgantsa" v sovetskikh sredstvakh massovoi informatsii [Fulfilled International Duty. The Image of the "Afghan" in the Soviet Media]. In *Svobodnaya mysl'*. No. 5 (1653), pp. 189–206.
- Braithwaite, R. (2013). *Afgan: russkie na voine* [Afghantsy: Russians in Afghanistan 1979–89] / transl. by A. Shirokov. Moscow, AST, Corpus. 496 p.
- Drozdov, Yu. I. (2000). *Zapiski nachal'nika nelegal'noi razvedki* [Notes by the Chief of Illegal Intelligence]. Moscow, OLMA-Press. 415 p.
- Feifer, G. (2013). *Bol'shaya igra. Voina SSSR v Afganistane* [The Big Game. The USSR's War in Afghanistan] / transl. by M. Krysin. Moscow, EKSMO. 336 p.
- Gromov, B. (2016). V Afganistane ne bylo porazheniya ili pobedy. Interv'yu [There Was No Defeat or Victory in Afghanistan]. In *TASS* [website]. 27 September. URL: <https://tass.ru/interviews/3654718> (mode of access: 15.01.2020).
- Haig, A. (1985). *Predosterezhenie: realizm, Reigan i vneshnyaya politika* [Caveat: Realism, Reagan and Foreign Policy]. Moscow, Progress. 406 p.
- Khristoforov, V. S. (2008). Trudnyi put' k Zhenevskim soglasheniyam 1988 goda po Afganistanu [The Difficult Path to the 1988 Geneva Agreements on Afghanistan]. In *Novaya i noveishaya istoriya*. No. 5, pp. 23–47.
- Khristoforov, V. S. (2016). *Afganistan: voenno-politicheskoe prisutstvie SSSR 1979–1989 gg.* [Afghanistan: The Military-Political Presence of the USSR 1979–1989]. Moscow, Institut rossiiskoi istorii RAN. 544 p.
- Khristoforov, V. S. (2019). Afganskie sobytiya 1979–1989 gg.: ot poznaniya k osmysleniyu i priznaniyu [Afghanistan Events of 1979–1989: From Cognition to Comprehension and Recognition]. In *Rossiiskaya istoriya*. No. 6, pp. 3–21. DOI 10.31857/S086956870007464-1.
- Kirpichenko, V. A. (2001). *Razvedka: litsa i lichnosti* [Intelligence: Faces and Personalities]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya. 400 p.
- Korgun, V. G. (2004). *Istoriya Afganistana. XX vek* [History of Afghanistan. 20th Century]. Moscow, Institut vostokovedeniya RAN, Kraft+. 528 p.
- Krivosheev, G. F. (Ed.). (2001). *Rossiya v voinakh XX veka. Poteri vooruzhennykh sil* [Russia in the Wars of the 20th Century. Losses of the Armed Forces]. Moscow, OLMA-Press. 608 p.
- Kryuchkov V. A. (1996) *Lichnoe delo v 2 ch.* [Private Business. 2 Parts]. Moscow, Olimp. Part 1. 448 p.
- Lyakhovskii, A. (1995). *Tragediya i doblest' Afgana* [The Tragedy and Valor of Afghanistan]. Moscow, Iskona. 650 p.
- Merimskii, V. A. (2006). *Zagaadki afganskoi voiny* [Riddles of the War in Afghanistan]. Moscow, Veche. 384 p.
- "Nachal'niki makhali shashkami: my Berlin brali, a vy kishlak vzyat' ne mozhetey?". Interv'yu Geroya Sovetskogo Soyuz, veterana-afgantsa Ruslana Ausheva ["The bosses waved sabers: we took Berlin, but you can't take a village?"] Interview with the Hero of the Soviet Union, Afghan Veteran Ruslan Aushev]. (2019). In *Novaya gazeta* [website]. 25 December. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2019/12/25/83292-nachalniki-mahali-shashkami-my-berlin-brali-a-vy-kishlak-vzyat-ne-mozhete> (mode of access: 15.01.2020).
- Neshumov, Yu. A. (2011). *Granitsy Afganistana: tragediya i uroki. Istoriko-publitsisticheskie issledovaniya* [Borders of Afghanistan: Tragedy and Lessons. Historical and Journalistic Research]. 2nd Ed., add. Moscow, Granitsa. 304 p.
- Nikitenko, E. G. (2004). *Afganistan: ot voiny 80-kh do prognoza novykh voin* [Afghanistan: From the War of the 1980s to the Forecast of New Wars]. Moscow, Astrel', AST. 365 p.

Riedel, B. (2014). *What We Won: America's Secret War in Afghanistan, 1979–89*. Washington, DC, Brookings Inst. Press. 189 p.

Runov, V. A. (2008). *Afganskaya voina. Boevye operatsii* [War in Afghanistan. Combat Operations]. Moscow, Yauza, EKSMO. 432 p.

Spol'nikov, V. N. (1990). *Afganistan: islamskaya oppozitsiya. Istoki i tseli* [Afghanistan: Islamic Opposition. Origins and Goals]. Moscow, Nauka. 192 p.

The Soviet Experience in Afghanistan: Russian Documents and Memoirs. In *The National Security Archive* [website]. URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB57/soviet.html> (mode of access: 29.12.2019).

Toporkov, V. M. (2014). “Net nikakikh shansov, chto gonka vooruzhenii mozhet istoshchit' sovetские material'nye i intellektual'nye rezervy...”. (Vliyaniye afganskogo faktora na ekonomicheskie protsessy v SSSR v 1980–1992 gg.) [“There is no chance that the arms race can deplete soviet material and intellectual reserves...”. (The Influence of the Afghanistan Factor on the Economic Processes in the USSR in 1980–1992)]. In *Voенно-istoricheskii zhurnal*. No. 7, pp. 10–14.

ISA FSB Rossii [Central Archive of the Federal Security Service of Russia]. Stock 5. List 27/3. Dos. 59; Stock 6os. List 2. Dos. 14, 64; List 3. Dos. 15, 26; List 6. Dos. 22, 23, 24, 30; List 7. Dos. 14, 21; List 8. Dos. 4, 15; List 9. Dos. 483; List 10. Dos. 55; Stock 12os. List 41. Dos. 2; Stock OKSV. Dos. 17. T. 8; Dos. 22. T. 17.

Yakupova, D. V., Yakupov, R. A. (2019). Sovetskoe obshchestvo i voina v Afganistane v otsenkakh Tsentral'nogo razvedyvatel'nogo upravleniya [Soviet Society and the War in Afghanistan in the Estimates of the Central Intelligence Agency]. In *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki*. No. 2 (50), pp. 84–99. DOI 10.21685/2072-3024-2019-2-7.

The article was submitted on 20.01.2020